

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЧИСЛЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В АФРИКЕ И МЕТОДОЛОГИИ ЕЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 О.Л. Фитуни

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: o-l-fit@yandex.ru

***Аннотация.** В статье впервые в отечественной научной литературе дается детальная количественная оценка китайских диаспор 58 африканских стран, несuverенных территорий и юрисдикций. Анализируется методология их количественных оценок. Дается критическое сопоставление различных типов источников получаемой информации по китайским диаспоральным сообществам на континенте. Особенностью работы является то, что автор рассматривает предмет исследования не «со стороны Китая», что характерно для большинства трудов по тематике китайской диаспоры, а с африканского ракурса. В качестве стартовой была поставлена задача впервые в отечественной африканистике и китаистике собрать воедино, критически обработать и проанализировать имеющуюся статистику по китайской диаспоре на континенте. Публикуемые в статье итоги исследования позволяют, наконец, решить задачу определения количественно-пространственных параметров диаспоральных сообществ китайцев в Африке. Решение этой задачи открывает возможность научного познания социальных, политических, цивилизационных, экономических и других характеристик китайских диаспор во взаимодействии с окружающим их социумом и в контексте протекающих в конкретных африканских странах социально-экономических процессов на объективной основе.*

***Ключевые слова:** диаспора, хуацяо, Африка, Китай, миграции*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24

Взлет экономической мощи и политического влияния КНР закономерно породил интерес к исследованию причин и компонентов, их составляющих, а также факторов, их формирующих и обеспечивающих – как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах мира. Фактически с самого начала нынешнего возвышения Китая (т.е. примерно с начала 1980-х годов), последовавшего за введением политики «реформ и открытости» в 1978 г., в качестве одного из важнейших специфических секретов усиления влияния и катализаторов экономического роста Китая признают роль в этих процессах зарубежных китайских диаспор.

Постановка проблемы и историография

Официальная государственная политика КНР и Тайваня в отношении этнических китайцев, проживающих за рубежом, имеет некоторые различия. Действующее законодательство КНР использует для обозначения разных групп зарубежных китайцев различные идентификационные термины – «хуажэнь», «хуацяо», «хуаи», а также некоторые другие. Ряд государственных документов, таких, например, как закон КНР «Об охране прав и интересов реэмигрантов (гуйцяо) и родственников эмигрантов (цяоцзюань)» [1], юридически четко разделяет и дает однозначное (насколько это вообще возможно в отношении подобных социально-демографических реалий) трактование дан-

ным, а также ряду других терминов, используемых для обозначения «зарубежных китайцев», основанное, прежде всего, на фактическом гражданстве этих лиц. Согласно этому документу, а также положению «Об определении статуса китайцев-эмигрантов (*хуацяо*), иностранных граждан, являющихся этническими китайцами (*вайцзи хуажэнь*), реэмигрантов (*гуйцяо*) и родственников эмигрантов (*цяоцзюань*)», выпущенному Канцелярией по делам *хуацяо* Госсовета КНР, термином *хуацяо* обозначаются граждане КНР, имеющие постоянный вид на жительство в другом государстве и прожившие там в общей сложности не менее 18 месяцев на протяжении двух лет или же прожившие там на законных основаниях не менее 30 месяцев на протяжении пяти лет; термином *вайцзи хуажэнь* обозначаются бывшие граждане КНР, получившие иностранное гражданство, а также их потомки [2]. Что же касается термина *хуаи* (этнические китайцы), то он иногда употребляется как полный синоним термина *вайцзи хуажэнь*, а иногда – в более узком смысле, для описания той части этнических китайцев, которые родились на территории иностранного государства и никогда не имели гражданства КНР.

На Тайване в 2018 г. термин *хуацяо* (китайцы-эмигранты) в официальном использовании вообще был заменен на более нейтральное *цяоминь* (эмигранты) [3]. При этом глава Совета по делам эмигрантов Исполнительного юаня (правительства) Китайской Республики (самоназвание Тайваня) У Синьсин подчеркнул, что новый термин «является достаточно всеобъемлющим: в официальной риторике и согласно юридическому определению, *цяоминь* должен иметь гражданство Китайской Республики; в широком же смысле достаточно того, чтобы он признавал Тайвань или Китайскую Республику» [4].

Наиболее широким термином для обозначения китайской диаспоры является термин *хайвай хуажэнь* (зарубежные китайцы), который включает в себя как китайских граждан (*хуацяо*), так и неграждан (*вайцзи хуажэнь*, *хуаи*). В англоязычной прессе и научной литературе ему обычно соответствует термин *Overseas Chinese*. Однако в повседневной практике и особенно в СМИ юридическая чистота употребления различных терминов не всегда соблюдается, тем более что часто просто невозможно установить, имеет ли конкретное лицо гражданство (паспорт) КНР, Тайваня или того или иного африканского государства. Поэтому в практической жизни особенности применения этих терминов зависят от характера и целей изложения конкретного материала о зарубежных китайцах, а в информационных сообщениях СМИ – подчас от случайного выбора автора.

Все это чрезвычайно осложняет количественные социо-гуманитарные исследования зарубежных китайских диаспор вообще и в африканских странах в особенности. В неспециальной отечественной литературе термин *хуацяо* зачастую довольно свободно расширительно используется применительно к зарубежным китайцам, вне зависимости от того, имеют ли эти люди китайское гражданство или являются исключительно гражданами страны пребывания или апатридами. Так, например, русскоязычная статья Википедии «Хуацяо» относит к этой категории как постоянно проживающих за пределами страны граждан Китая, так и этнических китайцев с любым другим гражданством.

Изучение зарубежных китайских диаспор в разных странах мира считается самостоятельным направлением современной китаистики [5, с. 7]. В отечественной востоковедческой литературе этой проблематике посвящено множество работ, начиная с классических трудов Н.А. Симония, М.А. Андреева, С.Р. Лайнгера (в 1950–1970-е годы), Т.М. Котовой (1980-е) до сравнительно недавних трудов А.И. Борисовой, А.Г. Ларина и Е.С. Анохиной [6, 7, 8, 9, 10, 11]. Следует, однако, отметить, что все вышедшие до сих пор в СССР и РФ монографические исследования о китайских диаспорах были посвящены либо общим вопросам существования, этнической идентичности, политической и экономической роли диаспоральных китайских сообществ, либо в основном исследованию китайских диаспор Юго-Восточной Азии. О различных аспектах жизни ки-

тайских общин в Европе, Австралии и Океании и обеих Америк на сегодняшний день в России издано также немалое число статей. Внимание к этим диаспорам, правда, чаще оказывается производным от интереса к двусторонним отношениям КНР (реже Тайваня) с данными государствами.

Ситуация с китайскими диаспорами Ближнего и Среднего Востока (БСВ) остается *Terra Incognita*, да и китайско-арабские отношения на сегодняшний день изучены ненамного лучше. В отличие от ситуации с регионом БСВ, политика КНР в Африке уже давно и всесторонне исследована в трудах одного из ведущих российских ученых-африканистов Т.Л. Дейч [12]. И хотя она не занималась специально проблемой китайской диаспоры на Африканском континенте как таковой, с точки зрения направления исследований и научных интересов автора данной статьи, большое значение имеют труды Т.Л. Дейч о «мягкой силе» КНР в Африке [13]. Дело в том, что в прикладном плане китайская диаспора в странах континента одновременно является одним из ключевых ее проводников и инструментов.

Цели исследования и методология

Настоящая статья, насколько известно автору, является первой отечественной публикацией, специально посвященной китайской диаспоре в Африке. Поэтому представляется целесообразным прежде чем перейти к анализу каких бы то ни было фундаментальных или прикладных проблем, связанных с ней в области политики, экономики, культуры, идеологии и т.д. в странах Африки, дать определение предмета исследования, очертить его качественные и количественные характеристики и показать пространственное распространение китайских диаспор на континенте. Без этого любые рассуждения и доводы будут оставаться лишь спекулятивными умозаключениями.

Подобная задача на деле не такая легкая, как может показаться на первый взгляд. В отечественной литературе детальных оценок нет вовсе, а западные [см., например, 14] предпочитают сосредоточивать свои усилия максимум на полутора десятке из более чем 50 африканских стран, территорий и непризнанных юрисдикций. Отдельные авторитетные авторы, вроде Ли Аньшаня [15], казалось бы, предлагают желательный охват, но наиболее свежая дата учета слишком уж неопределенна (неуточняемый год внутри тринадцатилетнего временного промежутка 2004–2017 гг.). Если же брать оценки остальных авторов, то они не просто разрозненны, но нередко противоречивы. Они нуждаются как минимум в кросс-проверке, а еще лучше – в полной перепроверке и пересчете с использованием математического аппарата.

Причина выбора в качестве объекта исследования китайских диаспор лишь в небольшом круге африканских стран легко объяснима: едва ли не весь объем публикаций в мире пишется учеными либо с позиций китаеведения (т.е. отталкивается от исторических или современных проблем развития Китая и китайцев), либо, реже, исследователями национальных проблем других государств, связанных с вызовами безопасности для принимающей страны (например: китайцы на российском Дальнем Востоке, в США, Австралии, Канаде, ЕС и т.д.). В Африке такие исследования пока единичны, а те, что имеются, в соответствии с западной традицией, обычно очень узки, замыкаются даже не на страновом, а на городском уровне и изучают, по большей части жизнь чайнатаунов, китаеязычные медиа или историю конкретных китайских союзов или ассоциаций в отдельных государствах Африки.

Автор задался целью исследовать проблему китайской диаспоры на континенте, отталкиваясь от проблем именно стран Африки. В качестве стартовой впервые в отечественной африканистике и китаистике была поставлена задача собрать воедино, критически обработать и проанализировать имеющуюся статистику по китайской диаспоре в регионе. Это позволило бы, наконец, решить задачу определения количественно-про-

странственных параметров диаспоральных сообществ китайцев в Африке. Решение этой задачи открывает возможность научного познания в дальнейшем социальных, политических, цивилизационных, экономических и других характеристик китайских диаспор во взаимодействии с окружающим их социумом и в контексте протекающих в конкретных африканских странах социально-экономических процессов на объективной, а не на умозрительной основе.

Китайские диаспоры Африки в пространстве и времени

Считается, что в настоящее время в Африке по разным оценкам проживает от 1,1 млн до 1,3 млн этнических китайцев. Речь идет обо всех постоянно проживающих в Африке людях, относящих себя к китайскому этносу без учета дипломатических работников, командированных и туристов. В массовой печати можно встретить и куда большие цифры.

Часть этнических китайцев являются членами сложившихся еще в колониальные времена диаспор, другие – на сегодняшний день таких намного больше – прибыли в страны континента сравнительно недавно. Самые старые китайские диаспоры в Африке – южноафриканская, маскаренская, мадагаскарская, мозамбикская и сейшельская – китайские сообщества, постоянно живущие в Африке с колониальных времен. Предки современных «коренных китайцев» ЮАР, Маврикия, Реюньона, Мадагаскара, Мозамбика и Сейшел были в разное время завезены на континент и прилегающие острова голландцами, французами, португальцами и англичанами в качестве дешевой полурабской рабочей силы. Эти люди прижились в странах заселения и ныне являются гражданами теперь уже независимых африканских государств.

Число китайцев в Африке стало возрастать и за счет притока беженцев в годы революций, войн и неурожаев на родине. Оно существенно увеличилось после Второй мировой войны вследствие ряда волн эмиграции из юго-восточных районов материкового Китая (с падением там Гоминьдана) и позже из Тайваня. Но настоящее цунами китайской иммиграции на континент произошло в ходе активного освоения восходящим Китаем африканского экономического пространства в XXI веке. Сегодня общая численность этнических китайцев первых волн иммиграции примерно в 5–6 раз меньше количества новых поселенцев.

Доля Африки в географии мирового распределения китайцев в сравнении с другими частями света самая небольшая – всего 2,4% глобальной диаспоры [16]. Однако в силу низкой начальной базы (статистической основы сравнения) она растет очень высокими темпами. Хотя вопросами китайцев в рассеянии занимается целый ряд государственных ведомств и большое число общественных организаций в КНР и на Тайване, точных официальных цифр о распределении этнических китайцев по миру нет, да и, по-видимому, быть не может.

Дело в том, что в современных геэкономических условиях китайская миграция в Африку – явление очень динамичное и изменчивое. В последние 10–15 лет она увеличивалась все нарастающими темпами. Большинство вновь прибывших остается в Африке, хотя примерно 15% из прибывающих рассматривают континент в качестве «трамплина» для дальнейшего переезда в Европу и Канаду (в меньшей степени США и Латинскую Америку). Для этого существуют отработанные схемы.

Но если общеконтинентальные цифры демонстрируют определенный и предсказуемый тренд, то на внутриафриканском уровне имеет место бурное «броуновское движение» новых китайских иммигрантов. Они пробуют счастья в одной стране, но в случае неудачи или возникновения иллюзий о больших возможностях в соседней, через год-другой легко меняют место жительства. Это делает страновые оценки численности китайской диаспоры в Африке весьма приблизительными и быстро устаревающими.

В отличие от ситуации со странами Юго-Восточной Азии и Северной Америки, регулярной сплошной страновой статистики о численности китайской диаспоры в Африке ни Пекин, ни Тайбэй не дают. Опубликовано несколько более-менее актуальных таблиц в исследовательских статьях и книгах. Все имеющиеся на сегодняшний день публикации подобного рода представляют собой компиляцию цифр из разных источников. В большинстве, если не в 100% случаев, при этом методология подсчета остается неизвестной.

Наши перекрестные сравнения и поиск первоисточников цифровой информации показал, что многие цифры годами кочуют, не меняясь, из одной публикации в другую. Более чем по половине африканских стран выверенные данные о количестве проживающих там китайцев не публиковались никогда (хотя в печати могут мелькать цифры неизвестного происхождения). Наиболее свежие на сегодняшний день компилятивные данные по наибольшему числу африканских стран представлены у Д. Поста и Дж. Вонг [14]. В этой же статье ими приводится практически исчерпывающая библиография других источников по численности китайского населения в Африке, каждый из которых, однако, дает еще меньше информации. Один из наиболее авторитетных российских исследователей китайской диаспоры А.Г. Ларин, ссылаясь на Википедию, приводит данные только по двум африканским странам [10, с. 66]. Таким образом, даже самое общее представление о пострановом географическом распределении китайской диаспоры в Африке по сей день отсутствовало. За пределами России оно в какой-то мере восполнялось разрозненными публикациями и полуофициальными обзорами КНР и Тайваня и научной аналитикой зарубежных ученых. В России не было даже этого.

Сказанное не означает, что более или менее обоснованные данные абсолютно невозможно при желании отыскать, сгруппировать и перепроверить, хотя бы на первичном уровне, на базе всего массива статистической информации имеющейся в мире уже сегодня, а на следующем этапе сделать полученные аппроксимации удовлетворительно достоверными с помощью математических методов анализа и обработки полученных рядов данных.

Поскольку количественные характеристики являются принципиально важными для анализа такого предмета исследования как диаспоры, автор сочла необходимым попытаться получить и свести воедино разрозненные данные из официальных изданий, исследовательских работ и периодики с тем, чтобы обеспечить максимальное страновое покрытие статистической информации по количеству этнических китайцев, проживающих в государствах Африки в настоящее время. При составлении приводимой в качестве итога исследования таблицы главными и наиболее близкими к понятию «официальные данные» были разнообразные документы и информационные публикации парламентского Комитета Всекитайского собрания народных представителей по делам хуацяо, Канцелярии Госсовета по делам хуацяо, партии Чжигундан Китая, Всекитайской ассоциации реэмигрантов, Министерства коммерции КНР (включая регулярно обновляемые информационные сборники с данными по численности зарубежных китайцев почти по 15 странам континента), а также ежегодников Комиссии по делам зарубежных соотечественников Тайваня [17, 18, 19].

В результате оказалось, что по четырем странам континента имеются сравнительно регулярные публикации и еще примерно по 15 странам – эпизодические, но достаточно свежие данные ведомств КНР и Тайваня по внешнеэкономическим связям и по делам зарубежных соотечественников. Публикуемые Министерством коммерции КНР справочные материалы «в помощь предпринимателю», хотя и не являются официальным изданием, содержат немало данных «из первых рук», обработав которые можно получить достоверную картину положения в соответствующей стране, включая величину китайской деловой диаспоры в ней.

В дополнение примерно по десятку стран удалось найти, как представляется, достаточно обоснованные оценки в публикациях международных структур, ассоциаций и профессиональных объединений, а также в академических исследованиях. Оставшаяся группа источников – китайская, американская, французская и африканская периодика из 34 стран континента – в основном, онлайн-версии местных газет или данные информагентств. Стоит, правда, отметить, что большая часть данных из африканских газет – цифры, приводившиеся в публикациях, приуроченных к визитам китайских делегаций, подписанию двухсторонних документов и запуску объектов сотрудничества со всеми возможными вытекающими из этого девиациями. Другими словами, часть приводимой в них информации может полноценно отражать положение дел, а часть отражать политические и иные установки пишущего журналиста.

Понятно, что при таком многообразии первичных источников (всего более 130) получить сведения на одну дату по всему набору стран континента не представлялось возможным. Разброс дат получился значительный (2011–2019 годы), но в целом они находятся в рамках одной (последней по времени) волны китайской иммиграции в Африку и примерно три четверти цифр относится к более узкому временному промежутку между 2015 и 2019 годами.

Итогом длительной и скрупулезной обработки вышеперечисленных источников стала следующая итоговая таблица:

Таблица

Ориентировочная численность китайской диаспоры в странах и несuverенных территориях Африки в 2011–2019 гг. (чел.)¹

Страна/территория (год)	Численность	Страна/территория (год)	Численность
ВСЕГО в Африке	1,1–1,3 млн	Мавритания (2019)	2000
<i>в том числе:</i>		Мадагаскар (2018)	60000
Алжир (2019)	35000	Малави (2019)	2000
Ангола (2019)	280000	Мали (2019)	3000
Бенин (2019)	1700	Марокко (2019)**	2000
Ботсвана (2019)	5000	Мозамбик (2019)	30000
Буркина Фасо (2017)	<i>н.д.</i>	Намибия (2017)	10000
Бурунди (2018)	400	Нигер (2016)	2200
Габон (2018)	<i>н.д.</i>	Нигерия (2019)	65000
Гамбия (2018)	300	Реюньон (Фр.) (2017)	30000
Гана (2019)	до 70000	Руанда (2019)	3000
Гвинея (2014)	>10000	Сан-Томе и Принсипи	<i>н.д.</i>
Гвинея-Бисау	<i>н.д.</i>	Сейшелы (2018)	2000
Джибути (2018)	2000	Св. Елены о-в (Брит.)	ок. 1900
ДРК (2018)	21000	Сенегал (2018)	2000*
Египет (2019)	20000	Сомали	<i>н.д.</i>
Замбия (2014)	19845	Судан (2018)	2000

¹ Во всех случаях численность – округленное оценочное количество как местных граждан китайского происхождения, так и граждан КНР (включая Сянган и Аомынь), Тайваня и этнических китайских иммигрантов-граждан других государств (например, перебравшихся в Африку этнических китайцев с паспортами Сингапура, Малайзии, Вьетнама). В случае Южного Судана и Джибути цифры включают китайских военнослужащих, размещенных в этих странах.

Страна/территория (год)	Численность	Страна/территория (год)	Численность
Зап. Сахара	<i>н.д.</i>	Сьерра-Леоне (2014)	1300
Зимбабве (2018)	10000	Танзания (2019)	30000
Кабо-Верде (2015)	2000	Того (2017)	2000
Канарские о-ва (Исп.)	10000	Тунис	<i>н.д.</i>
Камерун (2015)	7000	Уганда (2018)	10000
Кения (2018)	35000	ЦАР (2018)	50
Коморы (2018)	150	Чад (2018)	2000
Конго, Респ. (2018)	10000	Экв. Гвинея (2018)	10000
Кот-д'Ивуар	<i>н.д.</i>	Эритрея (2019)	300
Лесото (2018)	2900	Эсватини	<i>н.д.</i>
Либерия (2014) ^б	1500	Эфиопия (2019)	40000
Ливия (2011)	40000***	ЮАР (2018)	300000
Маврикий (2018)	25000	Южный Судан (2018)	3500

Примечание: н.д. – нет непротиворечивых статистических данных.

* только зарегистрированные в посольстве КНР.

** включая данные по эффективно контролируемой территории Зап. Сахары.

*** в 2011 г. из-за крайнего обострения ситуации и военных действий в ходе «арабской весны» КНР эвакуировала из Ливии подавляющее большинство этнических китайцев, живших в стране.

Источник: составлено автором.

Некоторые итоги и выводы

Проведенный анализ позволил на объективной статистической основе сделать ряд выводов:

Во-первых, быстрый рост китайской диаспоры в Африке непосредственно связан с мощным подъемом экономической и политической активности КНР на африканском направлении. Основной численный прирост диаспоры происходит за счет притока новых иммигрантов, в значительной части представляющих предпринимателей разного уровня, но также и наемных работников, которые, как правило, устраиваются на вновь открываемые или уже существующие предприятия соотечественников.

Во-вторых, китайское государство (это применимо как к КНР, так и Тайваню) в целом положительно относится к процессу «освоения» соотечественниками новых жизненных пространств. Для них создаются экономические стимулы. К их услугам достаточно хорошо отработанная система информационной поддержки, в том числе на самом начальном уровне с подробной и детальной информацией о стране, особенностях жизни в ней, условиях создания своего бизнеса и наличии китайских общин, ассоциаций и т.д. В то же время складывается впечатление, что главными источниками информации при принятии решения о переселении в Африку для большинства китайцев остаются не официальные издания, а неформальное общение с соотечественниками, в первую очередь в социальных сетях и по интернету.

В-третьих, китайское государство само является крупным поставщиком человеческих ресурсов в Африку в рамках реализации своих проектов экономического сотрудничества со странами континента. Речь идет о сотнях тысяч работников – менеджеров, инженеров, технических специалистов, средне- и низкоквалифицированных рабочих. Часть из них по контракту живет в Африке несколько лет. Многие при этом обрастают связями в местных диаспорах и африканском обществе, открывают здесь свой бизнес и остаются в стране после истечения срока трудового договора.

Как следствие, в африканских странах, где реализуются особо крупные экономические проекты КНР, новые китайские диаспоры растут взрывообразно. Наглядными примерами этого, как видно из таблицы, могут служить Ангола, Гана, Египет, Эфиопия и Нигерия.

Собранные статистические данные неоспоримо доказывают, что сегодня практически во всех странах Африки имеется малая или крупная китайская диаспора, рассматривающая себя в качестве особого самоидентифицирующегося сообщества и признаваемая в качестве такового Пекином и Тайбэем. Принимая во внимание фактическую общую численность населения стран Африки, можно говорить о пропорциональном и сравнительно равномерном территориальном распределении китайских диаспор по континенту. Можно также ожидать продолжения роста количества прибывающих на постоянное место жительства в Африку представителей китайского этноса и все более интенсивного вхождения их в социально-экономическую и (пока что в малой степени) в политическую жизнь принимающих африканских стран.

Источники

1. 中华人民共和国归侨侨眷权益保护法 第二条
Чжунхуа жэньминь гунхэго гуйцяо цяоцзюань цюань баоху фа. Ди эр тяо
(Закон КНР об охране прав и интересов реэмигрантов (гуйцяо) и родственников эмигрантов (цяоцзюань). ст. 2)
<http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobjectbai3723.html> (на кит. яз.) (дата обращения 15.12.2019)
2. 国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知
Гоуюань цяоу баньгунши гуаньюй иньфа «Гуаньюй цзедин хуацяо, вайцзи хуажэнь, гуйцяо, цзяоцзюань шэньфэнь дэ гуйдин» дэ тунчжи
(Письмо Канцелярии по делам хуацяо Госсовета КНР о выпуске «Положения об определении статуса китайцев-эмигрантов, иностранных граждан, являющихся этническими китайцами, реэмигрантов и родственников эмигрантов»)
<https://zh.wikisource.org/zh-hans/国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知> (на кит. яз.) (дата обращения 16.12.2019)
3. 台湾侨委会把“华侨”改为“侨民”在美国台湾人社区引发强烈反响
Тайвань цяовэйхуэй ба «хуацяо» гайвэй «цяоминь» цзай Мэйго Тайваньжэнь шэцзюй иньфа цянлье фаньсян
(Замена термина «хуацяо» на «эмигрант» тайваньским Советом по делам эмигрантов вызвала резкую реакцию в общинах американских тайваньцев)
<http://www.rfi.fr/cn/中国/20180407-台湾侨委会把华侨改为侨民在美国台湾人社区引发强烈反响> (на кит. яз.) (дата обращения 16.12.2019)
4. 台当局公文将“华侨”改称“侨民” 官员辩称：这样“包容性”比较大
Тай данцзюй гунвэнь цзян «хуацяо» гайчэн «цяоминь». Гуаньюань бяньчэн: чжэян «баожунсин» бицзяо дао
(Власти Тайваня заменяют термин «хуацяо» на «цяоминь» в официальных документах. Чиновник: это дает широкую «инклюзивность»). <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnK8Dhv> (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2020)
5. Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. – Томск: Томский государственный университет, 2012. 248 с.
6. Симония Н.А. *Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии.* М., 1959. 174 с.
7. Андреев М. А. *Зарубежная китайская буржуазия – орудие Пекина в Юго-Восточной Азии.* М., 1973. 190 с.
8. *Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии.* М.: Наука. 1986. 283 с.
9. Борисова А. Зарубежные китайцы. *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 5, с. 28–33
10. Ларин А.Г. *Китай и зарубежные китайцы.* М.: ИДВ РАН. 2008. 94 с.

11. Котова Т.М. *Китайцы за рубежом: их роль в политике Китая*. М., 1983. 280 с.
12. Дейч Т.Л. *Китай «завоевывает» Африку* М.: Ин-т Африки РАН, 2014. 380 с.
13. Дейч Т.Л. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики: роль в отношениях России и Китая с Африкой. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 3 (40), с. 3-13.
14. Poston, D. and J. Wong. The Chinese diaspora: The current distribution of the overseas Chinese population. *Chinese Journal of Sociology*. 2016, vol. 2(3), 348–373. DOI: 10.1177/ 2057150X16655077 (дата обращения 10.12.2019)
15. 李安山 – 战后非洲中国移民人口状况的动态分析
Чжаньхоу Фэйчжоу Чжунго иминь жэнькоу чжуанкуан дэ дунтай фэньси
(Динамический анализ численности китайских мигрантов в Африке в послевоенное время)
https://www.ims.sdu.edu.cn/local/8/DF/93/3966ADDC3A2ABDC157706F2DAA2_6DB2D220_151A75.pdf (на кит. яз.) (дата обращения 10.12.2019)
16. 数据篇：华侨华人在全球各地的分布统计
Шуцзюй нянь: хуацяо хуажэнь цзай цюаньцю гэди дэ фэньбу тунцзи (Информационный справочник: статистика распределения зарубежных китайцев по различным странам и регионам мира)
<http://www.haiwaihuarenwang.com/hrzx/3.html> (на кит. яз.) (дата обращения 20.12.2019)
17. 中華民國 99–107年僑務統計年報. *Чжунхуа Миньго 99–107 нянь цюоу тунцзи няньбао* (Ежегодные статистические справочники Совета по делам эмигрантов (Тайвань), 99–107 гг. Миньго (за 2010–2018). Taipei: 2010–2019. (на кит. яз.)
18. 记者连线：西非疫区中国公民有效防御埃博拉
Цзичжэ лянсянь: Сифэй ицьюй Чжунго гунминь юсяо фанъюй айбола
(Сообщения от корреспондентов: граждане Китая в пораженных эпидемией районах Западной Африки ведут успешную профилактику против Эболы)
http://www.gov.cn/xinwen/2014-08/17/content_2735548.htm (на кит. яз.) (дата обращения 20.12.2019)
19. 商务部对外投资和经济合作司 . 对外投资合作国别 (地区) 指南 北京, 2015–2020
Шанъубу дуйвай тоуцзы хэ цзинцзи хэцзо сы. Дуйвай тоуцзы хэцзо гобье (дицьюй) чжинань. Бэйцзин, 2015–2020
(Департамент внешних инвестиций и экономического сотрудничества Министерства коммерции КНР. Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству по странам (регионам). Пекин, 2015–2020) (на кит. яз.)

TO THE ISSUE OF THE HISTORICAL AND CONTEMPORARY SIZE THE CHINESE DIASPORA IN AFRICA AND THE METHODOLOGY OF ITS QUANTITATIVE RESEARCH.

© 2020 Olga Fituni

FITUNI Olga L., Research Fellow of the Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: o-l-fit@yandex.ru

Abstract. *For the first time in the domestic scientific literature, the article provides a detailed quantitative assessment of the Chinese diasporas of 58 African countries, non-sovereign territories and jurisdictions. The article analyzes the methodology of their quantitative assessments and provides a critical comparison of various types of sources of information on the Chinese diasporal communities on the continent. The novelty of the work is that the author does not consider the subject of research “from the Chinese perspective”, which is characteristic of most academic papers on the subject of “huaqiao,” but from the view-point of Africa. The host-country perspective premises the analysis of influences upon its rather than China’s development and requires the understanding not only of in the issues relation to the diaspora per se, but also For the first time in domestic African and Sinological studies, the objective was to bring together, critically process and analyze the available statistics on the Chinese diaspora on the continent. The results of the research published in the article finally allow us to solve the problem of determining the quantitative and spatial parameters of the diasporal Chinese communities on the continent. The solution to this problem opens up the possibility of obtaining scientific knowledge of the social, political, civilizational, economic and other characteristics of the Chinese diasporas in interaction with the surrounding society and in the context of socio-economic processes taking place in specific African countries on an objective, rather than speculative, basis.*

Keywords: *Diaspora, Huaqiao, Africa, China, migration*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24

References

Andreyev M. A. *Zarubezhnaya kitayskaya burzhuaziya – orudiye Pekina v Yugo-Vostochnoy Azii. (The Chinese Foreign Bourgeoisie as an Instrument of Beijing in Southeast Asia)* M., 1973. 190 p. (in Russian)

Anokhina Ye.S. «Novaya» kitayskaya migratsiya i politika KNR po yeye regulirovaniyu (“New” Chinese migration and the PRC’s policy to regulate it) Tomsk. Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2012. 248 p. (in Russian)

Borisova A. Zarubezhnyye kitaytsy (Overseas Chinese). *Aziya i Afrika segodnya*. 2002. № 5. P. 28–33 (in Russian)

Deych T.L. *Kitay “zavoyevyvyayet” Afriku (China “conquers” Africa)* M.: In-t Afriki RAN, 2014. 382 p. (in Russian)

Deych T.L. “Myagkaya sila” kak instrument vneshney politiki: rol v otnosheniyakh Rossii i Kitaya s Afrikoy (“Soft power” as an instrument of foreign policy: its role in relations of Russia and China with Africa). *Uchenyye zapiski Instituta Afriki RAN*. 2017. № 3 (40). P. 3-13 (in Russian)

国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知

Guowuyuan qiaowu bangongshi guanyu yinfa “Guanyu jieding huaqiao, waiji huaren, guiqiao, qiaojuan shenfen de guiding” de tongzhi

(PRC State Council Overseas Chinese Affairs Office’s Notice on issuing “Regulations on defining the status of Chinese emigrants, foreign citizens of Chinese origin, re-emigrants and emigrants’ dependents”)

- <https://zh.wikisource.org/zh-hans/国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知> (accessed 16.12.2019) (in Chinese)
 记者连线：西非疫区中国公民有效防御埃博拉
Jizhe lianxian: Xi Feizhou yiqu Zhongguo gongmin youxiao fangyu Aibola
 (Correspondents report: Chinese citizens in epidemic-stricken regions of West Africa undertake effective Ebola-preventing measures)
http://www.gov.cn/xinwen/2014-08/17/content_2735548.htm (in Chinese) (accessed 20.12.2019)
- Kitayskiye etnicheskiye gruppy v stranakh Yugo-Vostochnoy Azii (Chinese ethnic groups in Southeast Asia)*. M.: Nauka. 1986. 283 p. (in Russian)
- Kotova T.M. *Kitaytsy za rubezhom i ikh rol v politike Kitaya*. (The overseas Chinese and their role in Chinese politics). M., 1983. 280 p. (in Russian)
- Larin A.G. *Kitay i zarubezhnyye kitaytsy (China and overseas Chinese)* M.: IDV RAN. 2008. 94 p. (in Russian)
- 李安山 – 战后非洲中国移民人口状况的动态分析
Li Anshan. Zhanhou Feizhou Zhongguo yimin renkou zhuangkuang de dongtai fenxi
 (A Dynamic Analysis of the Chinese Immigrant Population in Postwar Africa)
http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/8/DF/93/3966ADDC3A2ABDC157706F2DAA2_6DB2D220_151A75.pdf (in Chinese) (accessed 10.12.2019)
- Poston, D. and J. Wong. *The Chinese diaspora: The current distribution of the overseas Chinese population*. *Chinese Journal of Sociology*. 2016, Vol. 2(3) 348–373. DOI: 10.1177/2057150X16655077 (accessed 10.12.2019)
- 商务部对外投资和经济合作司 . 对外投资合作国别 (地区) 指南, 北京, 2015-2020
Shangwubu duiwai touzi he jingji hezuo si. Duiwai touzi hezuo guobie (diqu) zhinan
 (Country (Region) Guide for Foreign Investment Cooperation. Department of Foreign Investment and Economic Cooperation, PRC Ministry of Commerce). Beijing. 2015-2020 (in Chinese)
 数据篇：华侨华人在全球各地的分布统计
Shujupian: Huaqiao, huaren zai quanqiu gedi de fenbu tongji
 Databook: Statistics of Overseas Chinese Distribution Around the World
<http://www.haiwaihuarenwang.com/hrzx/3.html> (in Chinese) (accessed 20.12.2019)
- Simoniya N.A. *Naseleniye kitayskoy natsional'nosti v stranakh Yugo-Vostochnoy Azii* (The population of Chinese ethnicity in the countries of Southeast Asia.). M., 1959 (in Russian) 174 p.
- 台当局公文将“华侨”改称“侨民” 官员辩称：这样“包容性”比较大
Taidangju gongwen jiang “huaqiao” gaicheng “qiaomin”. *Guanyuan biancheng: zheyang “baorongxing” bijiao da*
 (Taiwan authorities change “huaqiao” to “qiaomin” in official documents. Officials claim it offers a broad “inclusiveness”)
<https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnK8Dhv> (in Chinese) – (accessed 05.01.2020)
- 台湾侨委会把“华侨”改为“侨民”在美国台湾人社区引发强烈反响
Taiwan qiaowehui ba “huaqiao” gaiwei “qiaomin” zai Meiguo Taiwanren shequ yinfa qianglie fanxiang
 (Taiwan Overseas Community Affairs Council’s changing term “huaqiao” for “qiaomin” induces a strong reaction in American Taiwanese communities)
<http://www.rfi.fr/cn/中国/20180407-台湾侨委会把华侨改为侨民在美国台湾人社区引发强烈反响> (in Chinese) (accessed 16.12.2019)
- 中華民國 99- 107年僑務統計年報
Zhonghua Minguo 99 – 107 nian qiaowu tongji nianbao
 (Statistical Yearbooks of the Overseas Community Affairs Council. Republic of China (Taiwan) 2010–2018 (in Chinese)
- 中华人民共和国归侨侨眷权益保护法 第二条
Zhonghua Renmin Gonghego Guiqiao Qiaojuan Quanyi Baohu Fa. Di er tiao
 (PRC Law on the Protection of the Rights and Interests of Re-emigrants and Emigrants’ Dependents, paragraph 2)
<http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html> (in Chinese) (accessed 15.12.2019)